

Н.В. ПОЛОСЬМАК

Укокский дневник

1993 На плато Укок обнаружено замерзшее погребение «Алтайской принцессы»

Государственная премия в области науки и технологий за 2004 г. была присуждена сотрудникам Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) д.и.н. Н.В. Полосьмак и академику В.И. Молодину за открытие и исследование уникальных комплексов пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э. на плато Укок на Горном Алтае, где были найдены нетронутые «замерзшие» захоронения, в том числе женское погребение с удивительно сохранившейся женской мумией и богатым погребальным инвентарем

Время бежало вспять, погружая нас с каждым оттаявшим слоем ледяной могилы все глубже в землю и унося все дальше от современности. Укок способствовал этому ощущению своей безлюдностью, отрешенностью от всего, что было важно на Большой земле, странными, похожими на индейские, названиями гор, рек и населенных пунктов: Ак-алаха, Чиндагатуй, Бертек, Мойнак... Здесь стояла первозданная тишина, нарушаемая только отдаленным гулом движка на погранзаставе. Ночью замерзало все: озеро покрывалось корочкой льда, мелкие цветы и травинки оледеневали. Но стоило появиться солнцу, и все оживало как ни в чем ни бывало. И это ежедневное возвращение жизни после ночного холода было поразительным свойством Укока!

Вкус варенья из ревеня

Я лишь недавно поняла, почему так трудно вспоминать то время: оказывается, я почти не помню событий. Да, что-то происходило в лагере: приезжали и уезжали люди, каждый день мы что-то ели, когда-то спали и даже с кем-то разговаривали. Но это все не задевало, не фиксировалось в памяти, было тогда каким-то досадным отвлечением от главного, требующего полной сосредоточенности. И только когда мне рассказывают теперь что-то из событий тех лет, я вспоминаю, что да, действительно прилетел и улетел вертолет с холодильником и противогазами. Прилетал и какой-то

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).
Лауреат Государственной премии РФ (2004), лауреат Национальной премии «Достояние поколений». Автор и соавтор более 170 научных работ

Ключевые слова: «замерзшие» могилы, Горный Алтай, пазырыкская культура, плато Укок, мумия женщины.
Key words: “frozen” graves, Gorny Altai, Pazyryk culture, Ukok plateau, woman mummy

Фото Укока К. Банникова

© Н.В. Полосьмак, 2017

Фото В. Новикова

нелепый, учитывая ситуацию, врач, и было еще что-то смешное, и все это сейчас меня очень трогает, поскольку я понимаю, что это было вызвано заботой о нас, беспокойством, желанием уберечь Бог знает от чего.

А кто знал, что надо делать в такой ситуации, – мы оказались в ней первый раз. Конечно, был С. И. Руденко, который раскапывал «замерзшие» могилы Пазырыка в начале 60-х, но теперь – другое время и другие возможности... И главная возможность – это вертолет. Хочется пропеть гимн вертолету и летчикам, прилетавшим к нам через высокие снежные перевалы с грузами и без, в плохую и очень плохую погоду, и мы ждали их всегда, потому что это была связь с Большой землей, которая казалась чем-то очень далеким, а мы были «островом», затерянным в «океане», и иногда на наш берег волны выносили хлеб, консервы и письма, а однажды вынесли противогазы и холодильник «Стинол». События, происходившие вокруг и связанные с обычной, если так можно выразиться о том времени, отрядной жизнью, никак не отражались на том, что происходило внутри могильной ямы и с чем были связаны каждые минуты нашего существования, которыми отмерялась тогда моя жизнь. Только сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что эта была погруженность в собственные переживания и ощущения на грани транс, когда мир сузился до ледяной линзы на дне могилы. При этом лагерь жил своей жизнью: принимал гостей и праздновал дни рождения, ходил за ревенем, чтобы сварить «ревеневое» варенье – вожаденное укокское лакомство.

Совершенно фантазмагорическим оказался и состав нашего отряда, который сложился непонятным образом. Это было тоже веянием времени и отражением сугубо сюрреалистической ситуации того лета на Укоке, проекцией каких-то странных поворотов в судьбах многих людей.

Как занесло к нам Джинни из Гарвардского университета и почему она «осела» в нашем отряде, сейчас уже и не вспомнишь. Эта девица поразила нас тем, что, взяв как-то на руки нашего самого здорового парня Пчелу (Пчелинцева по паспорту), покружилась с ним и аккуратно поставила на землю. Забавно, что место его в иерархии нашего маленького отряда изменилось – он уже не казался нам таким мачо. Она подхватывала бревно недогнувшей рукой и легко могла остановить на ходу коня, если б захотела. Оказывается, не только «в русских селениях есть женщины», но и в глубинах Гарварда.

Была совершенно замечательная фрау Герда, чрезвычайно милая немецкая дама с непостижимой энергетикой 18-летней девчонки, приехавшая на Алтай в турпоездку, а в результате застрявшая в нашем отряде. Все происходящее у нас ее страшно занимало. Никакая другая фрау никогда бы у нас не задержалась, и только

необыкновенные качества помогли ей легко вписаться в местную отрядную жизнь. Она всегда старалась быть полезной: то готовила для всех на кухне что-то очень немецкое, то чистила кости пазырыкских коней, извлеченные из погребения. У костра она сидела «до последнего посетителя», а на одной из заключительных вечеринок по собственной инициативе изображала мумию – «Леди», как она ее называла, закутавшись во вкладыш спальника и устроив нам леденящее душу представление – уж очень неожиданно она появилась из темноты. Где-то теперь фрау Герда, ведь прошло много лет с тех пор. Но в Германии живут долго, и хочется верить, что с ней и сейчас все в порядке.

Отряд у нас был необыкновенный, удивительно добрый и дружный. Японка Тэй Хатакэяма появилась в нашем лагере в один прекрасный день – то ли с вертолета, то ли ее ветром принесло – такая она была маленькая и легкая. Появилась, и все. «Это просто нэцке какая-то», – с любовью ко всему японскому сказал Костя Банников, изучавший в то время японский язык. Тэй была аспиранткой и занималась, кажется, звериным стилем где-то там, в Японии. Но это было не важно, у нас ее невозможно было отогнать от «замерзшей» могилы. И, поднимая иногда глаза вверх из глубины ямы, мы всегда видели не солнце, а нависшее над нами личико Тэй рядом с такой же заинтересованной мордой моего спаниеля Пита. Иногда оба не выдерживали и падали вниз. Пит буквально прыгал, утомившись быть просто наблюдателем. А Тэй умоляюще и очень вежливо спрашивала разрешения спуститься вниз, чтобы быть хоть как-то полезной и прикоснуться к этому древнему льду, а получив разрешение, спускалась и благоговейно стояла рядом в насквозь промокших кедах.

Еще была Карэла. Спросите меня, как попала к нам эта немецкая студентка и почему задержалась, – я не смогу вам ответить. Люди появлялись неожиданно и проходили через нашу жизнь и отряд, как тени, но случалось, что некоторые оставались во плоти и крови. Их принимали по каким-то непонятным ни им, ни нам причинам, и они становились родной составляющей нашей укокской эпопеи. Вот и эта немецкая девушка осталась, а у нас остались ее рисунки, которые она кропотливо делала с деревянных украшений упряжи коней, найденных в кургане.

Маттиас Зайферт был приглашенным дендрохронологом. Когда он летел к нам, бог знает, что представлял себе, но действительность, похоже, совершенно не совпала с его ожиданиями. Горами и ледниками швейцарского парня не удивишь, но здесь было что-то такое, что до сих пор тревожит душу, и то, отчего эти месяцы остались в памяти как лучшие в жизни. И когда Маттиас, внешне уже совершенно похожий на нашего нормального «колхозного» парня, улетал обратно, он плакал. Хотя все обещали друг другу, что

Елена Кузнецова, историк Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, участник экспедиций на Укоке:

«Мне повезло: я оказалась на Укоке во время студенческой археологической практики. Вообще все, что было связано с этой экспедицией, вспоминается как удивительное приключение и везение. Старт с территории Музея под открытым небом в Академгородке, первое в жизни путешествие на вертолете, удивительная природа высокогорья... Настоящий археологический отряд и ее руководитель – молодая симпатичная женщина, серьезные академические исследования и полевой быт, скифские курганы и съемочная группа японской телекомпании NHK.

Было так интересно хотя бы ненадолго стать частью экспедиционного отряда, окунуться в жизнь археологического лагеря, работать на раскопе. Однажды, необычайно теплым для тех мест летним вечером, расчищая каменную ограду поминального комплекса у большого кургана, я неожиданно поняла, что когда-то мечтала именно об этом. Вспомнила, что еще в школе, после уроков по истории Древнего Египта и Древней Греции, собиралась стать археологом, даже хотела записаться в археологический кружок. Потом переключилась на что-то другое и забыла об этой своей мечте так основательно, что не вспоминала о ней, пока не попала на Укок.

После раскопок на Укоке оставить в прошлом археологические экспедиции было невозможно. Несколько лет подряд, досрочно сдав сессию, наш дружный экспедиционный отряд грузился в вертолет и отправлялся высоко в горы, чтобы участвовать в уникальных раскопках. Завершение сезона работ становилось неприятным сюрпризом, и оставалось только ждать весны, чтобы вновь нагрязнать в институт к Наталье Викторовне с традиционным вопросом: «Когда едем?»»

Антон Лучанский, тележурналист ГТРК, участник экспедиций на Укоке:

«Укок стал для меня, как и для многих моих друзей студентов-историков, уникальным эмоциональным опытом, повторить который уже невозможно. Не только в силу взросления, но и по множеству других причин.

Приехав в самом начале 1990-х в Кош-Агачский район, мы погрузились в атмосферу настоящего научного поиска. Букет ярких впечатлений дополняли девственная природа плоскогорья, спартанские условия полевой жизни и знакомство с традиционной культурой местных жителей.

Лето 1993 г. стало для меня одним из самых ярких впечатлений юности. В этот сезон мы с моим близким другом Кириллом Луговым добирались на Укок самостоятельно. Это было приключение, полное необычных поворотов, встреч и счастливых совпадений. Когда мы на машине пограничников наконец добрались до лагеря, отряд был взбудоражен предвкушением большого открытия, даже сенсации: в рядовом кургане археологи вышли на линзу льда. И сенсация не заставила себя ждать. На пару месяцев затерянное плато на перекрестке четырех границ стало площадкой, где сотрудничали ученые разных специализаций и работали журналисты со всего мира. Для нас же было очень важно чувствовать свою причастность к большому исследовательскому процессу.

Так скифская мумия стала фактом моей биографии, а археология – серьезным увлечением на всю жизнь. Даже став тележурналистом, я продолжил работать в экспедициях, правда, уже в новом качестве. Моя задача теперь – рассказывать телезрителям правду о тяжелой, но увлекательной профессии археолога»

Рисунок Анастасии Абдулмановой

Елена Шумакова, художник ИАиЭТ (Новосибирск), участник экспедиций на Укоке:

«В наш первый сезон Укок казался другой планетой, огромной и неизведанной. Мучило постоянное ощущение чужого присутствия – “за нами наблюдают”. Возможно, этому способствовало малое наше число на этой огромной “сервировочной тарелке” – горном плато, над которым только звезды. Да и пограничники с их неожиданным появлением и столь же фантастическим “растворением” в местном пейзаже, ночное свечение прожектора вдоль “колючки” прибавляли таинственности и создавали ощущение “Зоны” Тарковского.

Сильным потрясением стал случай, когда мы с Наташей (Н. В. Полосьмак. – ред.), погрузив в фотокуветы извлеченные из погребения одежду и ее фрагменты, прополоскали их в воде ближайшего озера, чтобы избавиться от следов тлена. Попросту “постирали портки” человеку, жившему этак за пару тысячелетий до нас. Смог бы этот человек, да и мы, себе когда-нибудь такое представить? Время схлопнулось – тысячелетия стали мгновением.

Эта история долго оставалась лишь моим “внутренним переживанием”: мы не озвучивали ее, страшаясь гнева реставраторов. Но однажды, рассказав об этом эпизоде в *Abegg-Stiftung*, известном реставрационном центре в Швейцарии, я получила неожиданную поддержку. Оказалось, что именно вода ледниковых озер с плато сохранила и “донесла” до наших дней уникальное содержимое замерших погребений Укока»

Фото В. Новикова

мы обязательно встретимся, он, как и мы, понимал, что это уже будет совсем не то. И вправду – встречались, но это была уже другая жизнь, и другие встречи.

Маттиас сделал прекрасное исследование по дендрохронологии укокских курганов. Благодаря ему у нас в институте появился и свой дендрохронолог Игорь Слюсаренко. Увидев, как работает Маттиас, он просто не смог устоять и понял, что не керамика, которой он занимался до сих пор, а вот это сырое дерево является его призванием. И вот уже почти четверть века им занимается.

Многое менялось в то время в наших судьбах, в представлениях о профессии, об археологии. Археология была «другой», и методически, и эмоционально. Нас насквозь пропитал «запах могилы», стойкий, облагороженный веками запах органики, разлагавшейся в течение более двух тысячелетий. Этот запах, исходивший от мокрых одежд погребенной женщины, от дерева погребальной камеры и колоды, от остатков пищи, был ароматом давно ушедшего мира. Мы жили в двух измерениях: в пазырыкском мире, сузившемся для нас до ямы пять

на три с половиной метра, и в современном – мире экспедиционного лагеря. И тот, древний, мир казался нам куда ближе и реальнее современного, который был лишь досадной паузой перед ежедневным возвращением в чарующее и непредсказуемое прошлое.

Самым печальным был день, когда мы достали мумию женщины из колоды и на специально сделанных носилках понесли ее в лагерь, в домик, где она должна была «дождаться» вертолета, который увезет ее в Новосибирск. Тогда закончилась первая часть этой истории, а вторая растянулась на двадцать с лишним лет, и ей не видно конца.

Как сказала моя алтайская подруга, этнограф по профессии, «если бы Она не захотела, ты бы никогда ее не нашла». И я согласна с ней. Но если Она захотела, то для чего? Все эти годы я думаю об этом и уверена, что не для того, чтобы вокруг ее появления набирала силу истеричная кампания, которую мы наблюдаем на Алтае... Нет, это было бы слишком ничтожно. Она появилась, чтобы рассказать что-то важное для нас, и надо только

понять, как можно услышать этот рассказ о ней самой, о ее культуре и времени.

Собственно говоря, уже почти 25 лет мы этим и занимаемся – «слушаем» рассказ. Если согласиться с тем, что жизнь не заканчивается физической смертью, то можно сказать, что Ее судьба сложилась счастливо. После более чем двухтысячелетнего забвения Она стала источником вдохновения для писателей, художников, про нее снимают фильмы, модельеры создают коллекции по мотивам ее костюма, десятки людей по всему миру повторяют ее татуировку, вокруг нее возникла новая мифология... По сути – мы подарили Ей вторую жизнь. Возможно, в этом и был смысл ее «появления» в «замерзшей» могиле на плато Укок... История нуждается в людях. Когда речь идет о тех баснословно далеких временах, от которых не осталось ни названий, ни имен, и нам, за отсутствием чего-то более определенного, приходится оперировать такими понятиями, как «археологическая культура», историческая «общность» и т. п., «появление» конкретного человека «оттуда» становится тем чудом, которое разбивает наше выраженное

в профессиональных терминах абстрактное представление, делая эти времена частью непрерывающейся жизни, в которой пока последние – мы, когда-то были они, а скоро будут другие.

Литература

Полосьмак Н. В. *Всадники Укока*. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 334 с.

Руденко С. И. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.; Л., 1953. 401 с.

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А. и др. *Феномен алтайских мумий*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 318 с.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.)*. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Полосьмак Н. В. *Молекулярно-генетический анализ останков людей из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха 3 // Археология, этнография и антропология Евразии*. 2015. Т. 43. № 2. С. 138–145.

Фото В. Мильникова

